

Чем определяется стоимость товара? (Опыт нередуктивного взгляда)

© 2015 Сагадиев Нурлан Кенжегалиевич

директор

ТОО “ILS edutainment”

050000, Республика Казахстан, г. Алматы, пр-т Аблайхана, д. 104

E-mail: ils_edutainment@mail.ru

Рассматриваются аспекты трудовой теории стоимости. Общеизвестно, что с идеей Адама Смита берет начало одно из влиятельных течений экономической мысли - классическая политэкономия. Вместе с тем, по мнению автора, во взглядах Смита присутствует альтернативная линия идей. Развитие этой линии позволяет переосмыслить отдельные положения трудовой теории стоимости.

Ключевые слова: трудовая теория стоимости, теория субъективной ценности, денежная теория.

Со времен Адама Смита сложилось устойчивое и вполне естественное понимание того, что стоимость товара детерминирована условиями его производства. За сравнительно короткий период после выхода в свет “Богатства народов” было сформировано новое направление науки - классическая политэкономия. Помимо множества практических вопросов, волновавших умы того времени, в рамках предложенного подхода предстояло ответить на основной вопрос теории: как свести разнообразные составляющие производственного процесса к некоей единой мере так, чтобы выявить искомую стоимость товара?

Смит заложил две стратегии мышления, которые, впрочем, трудно было согласовать друг с другом. В первой стратегии он объявил труд всеобщей мерой стоимости товаров. У данной стратегии имелась своя мотивация. Труд - древнейшее отношение между человеком и природой. Постепенная специализация человека на некотором виде деятельности приводит к разделению труда внутри общества. Соответственно, появляется потребность в обмене продуктами труда между членами общества. Поскольку товары, присутствующие на рынке, созданы трудом индивидуумов, мы, безусловно, вправе рассматривать труд как всеобщую основу стоимости товаров.

Другая стратегия мышления, заложенная Адамом Смитом, носит обобщающее название “теория издержек”. В ней стоимость рассматривается как сумма издержек разнообразных факторов, участвующих в производстве товара. Каждый фактор (земля, труд, капитал) рассматривается как самостоятельный, независимый источник ценности, добавляемой к итоговой стоимости товара. В отличие от первого подхода, здесь сохраняется некоторое поле вариаций в отноше-

нии того, что именно следует относить к издержкам производства и как может быть оценен вклад каждого фактора, участвующего в производстве товара. Однако эта стратегия, как и первая, несколько не утратила своей эвристической ценности.

Известный историк науки Марк Блауг так характеризует вклад Смита в решение обозначенной проблемы: “Очевидно, теория ценности товара, основанной на издержках производства, пуста и бессмысленна, если она не дает объяснения, как определяются цены производственных услуг. Но у Адама Смита нет строгой теории заработной платы и ренты и отсутствует теория прибыли и чистого процента. Сказать, что нормальная цена вещи - это цена, только покрывающая денежные издержки на ее изготовление, - значит объяснить цены ценами. В этом смысле у Адама Смита вообще не было теории ценности. Пусть даже это и так, однако ясно, что у него не было и трудовой теории ценности, если под ней понимается то положение, что товары обмениваются в соотношениях, которые... соответствуют количеству труда, затраченного на их производство, включая труд, овеществленный в капитальных благах, которыми пользуются рабочие. В “Богатстве народов” не предполагается, что различные факторы производства могут быть редуцированы, сведены к какому-то иному, нежели деньги, общему знаменателю...”¹.

Блауг судит Смита по “лекалам” своего времени. Безусловно, не следует пытаться вычитать у Адама Смита то, чего у него в действительности не было. Несмотря на очевидный критический настрой, Блаугу трудно отказать в справедливости. Однако должны ли мы рассматривать сказанное как недостаток теории Смита? В эпоху, когда писалось “Богатство народов”, еще не

существовало категориального аппарата науки с ее развитой системой абстракций. То был период нарождавшейся промышленной революции вначале в Англии, а затем и в других странах. Говоря образно, Смит был в числе первых, кто “пустился в плавание к новым берегам” науки. Его “Богатство народов” носит характер исследования, т.е. изучения, поиска, первоначального ознакомления. Потому он приводит совершенно разные суждения в отношении исследуемого им предмета. Но стоит остановиться, пожалуй, на главном. У Смита отсутствует в явном виде попытка редукции. И мы находим это обстоятельство основным достоинством теории Смита.

Редукция, безусловно, важный методологический принцип науки. Как можно говорить о стоимости товара, если не свести ее к чему-то определенному? Потому экономическая мысль после Смита стремилась решить основную задачу. Мы помним попытку Давида Рикардо. Фактически он был первым, кто сознательно встал на путь трудовой концепции стоимости. Рикардо стремился объяснить явления экономической жизни с позиций единого “правила” – как он именует свой методологический принцип. Согласно этому “правилу” относительные цены товаров определяются количеством затрачиваемого труда. Если верить историкам науки, то “много раз он заявлял и незадолго до своей смерти с искренностью, делающей ему честь, признал, что его попытки объяснить ценность потерпели неудачу”².

Наконец, перед нами масштабная и всеобъемлющая схема Карла Маркса. Если Рикардо каким-то образом пытался согласовать методологический принцип, т.е. “правило”, по которому товары обмениваются на рынке, с экономической действительностью, то Маркс предпринимает более решительный шаг. Он объявляет действительный мир (цена, заработная плата, прибыль), т.е. то, что лежит на поверхности явлений, миром “превращенных форм”.

Мы склоняемся к мысли, что существует более тонкий механизм диалектики единичного и всеобщего, нежели как он представлен в вышеуказанных случаях. В этой связи важно вернуться к системе взглядов Адама Смита. Но прежде хотелось бы сделать одно теоретическое допущение. Предположим, у нас есть товар. И мы ничего не знаем о том, в каких условиях он произведен. Мы не знаем, к примеру, каковы были затраты труда. Нам ничего не известно о том, какие основные и оборотные средства были использованы при производстве товара. Мы не знаем ничего о технологии производства товара. Теперь возвратимся к заявленному вопросу.

Можем ли мы, не зная ничего о процессе производства, сформулировать теорию стоимости?

Очевидно, мы делаем данное допущение с целью отвлечься, абстрагироваться от процесса производства как такового. Это позволит нам обойти проблему редукции, с которой столкнулась экономическая мысль после Смита. Поскольку мы обозначили свое изложение как “опыт”, т.е. как некую “пробу пера”, это дает нам шанс использовать любые допущения. Вопрос состоит лишь в том, к чему могут привести допущения теории? Собственно, экспликации данной возможности посвящена статья. Если нам ничего неизвестно о производственной стороне товара, то у нас остается другая сторона товара – его полезность.

Свойство полезности таково, что на нее стекаются люди. Полезность притягивает людей. Возможно, они берут ее в руки, рассматривают со всех сторон, пробуют, примеряют, изучают. Они оценивают, насколько она необходима им. От этого обстоятельства зависит другой не менее значимый факт. Насколько они готовы потратиться ради приобретения блага. Тем самым полезность в силу самой полезности привлекает кошельки людей.

Все люди разные. Потому одна и та же полезность для разных индивидуумов может иметь различное значение. Для одних большее, для других меньшее. Каждый индивидуум в отдельности решает, какую сумму средств он готов потратить ради обладания полезностью. Соответственно, этому они готовы потратить разные суммы денег. Мы не можем утверждать, что для всех субъектов полезность одного и того же предмета одинакова. Потому, вероятно, бессмысленно говорить о некой абстрактной полезности как единой мере всех благ.

Все люди также обладают разным размером кошелька. Соответственно, одни покупатели готовы заплатить большую цену. Другие, напротив, готовы заплатить меньшую цену. Тем самым количество покупателей может быть весьма различным при той или иной цене товара. В зависимости от размеров кошелька люди готовы приобретать большее или меньшее количество одного и того же товара.

Все сказанное здесь о полезности представляет собою известные, прописные истины, за исключением того, что в нашем случае мы хотим сформировать теорию стоимости в ее классическом понимании. Потому мы делаем следующее в меру очевидное высказывание. Индивидуумы оплачивают полезности своим трудом.

Деньги в подавляющем большинстве достаются индивидуумам благодаря их труду. Деньги

“не падают с небес”. Большинству из нас приходится трудиться, чтобы заработать их. Тем самым полезности обходятся и стоят индивидуумам их собственного труда. Индивидуумы вкладывают свой труд в создание полезностей. И они же оплачивают полезности своим трудом.

Количество труда, или, что то же самое, количество денег, которое индивидуумы готовы пожертвовать ради блага, и образует стоимость блага. Хотя индивидуум оплачивает блага деньгами, сами деньги стоят индивидууму его труда. Потому он оплачивает блага своим собственным трудом. Если индивидуум теряет возможность трудиться, он не может покупать необходимые ему блага. Тем самым труд является той окончательной инстанцией стоимости, которой индивидуумы расплачиваются за приобретаемые ими блага.

Здесь мы находимся на диспозициях бесмертного положения Адама Смита. Он пишет: “...труд представляет собою действительное мерило меновой стоимости всех товаров... То, что покупается на деньги или приобретается в обмен на другие предметы, приобретается трудом в такой же мере, как и предметы, приобретаемые нашим собственным трудом”³.

Мы рассматриваем данное положение не только как экономическое суждение, но и как обобщение глубокого смысла. Это обобщение, с которого, по-видимому, начинается наука в ее историческом и теоретическом контексте. Оно принадлежит к такому классу обобщений, как “И все-таки она вертится!”. Оно формирует наше исходное миропонимание. Труд является одновременно источником и мерилом всех благ.

Таким образом, хотя индивидуумы тратят деньги на приобретение благ, для подавляющего большинства деньги стоят им собственного труда. Потому те полезности, которые они приобретают, они приобретают фактически за счет собственного труда. Индивидуумы участвуют в процессе создания блага, и сами же своим трудом оплачивают приобретаемые ими блага.

Труд индивидуумов, безусловно, разный. Он может различаться по своему качеству, по уровню сложности, по наличию опыта и квалификации и по многим другим характеристикам. Но сколь бы многообразен и неповторим был труд индивидуумов, он удивительным образом приходит “к одному знаменателю”. Все виды труда находят свое выражение в количестве денег, на которые они обмениваются.

Количество денег, на которое обменивается труд, выражает стоимость труда. Посредством денег выявляется вклад каждого индивидуума в процесс создания благ. Затем пропорционально

своему вкладу индивидуум приобретает необходимые ему блага. Тем самым блага достаются индивидууму благодаря его собственному труду. Деньги выполняют посредническую функцию между определением вклада индивидуума в процесс создания благ и приобретением благ индивидуумом.

Редукция, которую стремилась осуществить экономическая мысль, экономическая практика, по-видимому, осуществила за нас. Все виды труда оцениваются в количестве денег, которые получает каждый индивидуальный труд. Тем самым каждый индивидуальный труд посредством обмена на деньги сводится к его общественной мере. Количество денег, которые получает индивидуум, составляет общественную меру его труда.

Вместе с тем в указанном взаимообмене труда и денег сами деньги наделяются качеством стоимости. Они стоят индивидуумам их труда. Индивидуумы, взаимно отчуждая труд за деньги, придают деньгам самостоятельную ценность. Ценность денег состоит в том, что на них можно приобрести продукты труда других индивидуумов. Однако приобрести деньги можно, лишь отчуждая свой собственный труд.

Потому, хотя товары оцениваются в деньгах, за их оценкой в деньгах стоит труд индивидуумов. Всестороннее отчуждение индивидуумами своего труда в обмен на деньги наделяет деньги самостоятельной шкалой ценности. Деньги не могли бы нести эту общественную функцию стоимости, если бы в действительности они не стоили индивидуумам их труда. Благодаря факту отчуждения деньги становятся самостоятельной стоимостью, в которой одновременно оценивается как труд индивидуумов, так и продукты их труда.

В теории стоимости хорошо известна альтернативная концепция ценности блага. Она была выдвинута конкурирующей школой субъективной полезности. В противоположность классическому взгляду в ней утверждается, что ценность блага - величина субъективная. Один из ярких представителей данного направления Карл Менгер пишет:

“...ценность не есть нечто, присущее благам, не свойство их, но также и не самостоятельная, не сама по себе существующая вещь. Ценность - это суждение, которое хозяйствующие люди имеют о значении находящихся в их распоряжении благ для поддержания их жизни и их благосостояния, и потому вне их сознания не существует. ...Объективация ценности благ, по своему существу вполне *субъективной*, также много содействовала смешению основных понятий нашей науки”⁴.

Данный пункт является ключевым, в котором австрийская школа субъективной полезности противопоставила свои взгляды “объективизму” классической школы. Мы никак не беремся оспаривать положение, что благо имеет субъективную ценность для покупателя. Индивидуум самостоятельно оценивает то, какую ценность имеет благо для поддержания его жизни и благосостояния. Однако к данным рассуждениям Карла Менгера необходимо прибавить одно объективное обстоятельство. Как бы индивидуум ни оценивал благо, за него приходится платить.

Люди расплачиваются за блага своим трудом. Каждый индивидуум предоставляет свой труд обществу за возможность потреблять воду, хлеб и другие блага, которые он пожелает. Труд доставляет блага на рынок, и труд есть то, чем расплачиваются люди за приобретаемые блага. Если люди, к примеру, готовы платить за алмаз больше, чем за хлеб, – это их право субъективного выбора. Но неизменным остается правило: блага стоят индивидуумам их собственного труда.

Блага не могут быть доставлены на рынок без приложения труда. За это приложение своего труда люди получают эквивалент своего труда в виде денег. Затем они посредством данного эквивалента оценивают блага, доставляемые на рынок. Здесь мы не можем игнорировать субъективный аспект стихии рынка. Каждый индивидуум индивидуально решает, какую ценность имеет благо для поддержания его жизнедеятельности. Однако то, что находится в кошельках индивидуумов, имеет для них объективную значимость. Они затратили свой труд – эту “материю” своей души, благодаря которой становится возможным приобретение благ на рынке. Потому, хотя индивидуумы оплачивают блага посредством денег, блага стоят индивидуумам их собственного труда.

То, чего стоят блага, – это нечто совсем другое, нежели то, как оцениваются блага индивидуумами. Это настолько другое, что ни одной стороной отношения невозможно пренебречь. Менгер прав в том отношении, что имеет место смешение понятий. “Стоимость” в устах Смита и “ценность” в устах самого Менгера – это разные вещи. Слово “стоимость” означает, чего стоит благо индивидууму, а не какова его ценность для него. Он может ценить благо в соответствии с его субъективным вкусом, предпочтением или выбором. Однако то, чем он расплачивается за благо, имеет вполне объективную основу. Это его собственный труд, который он обменивает на благо.

Вопрос стоимости, таким образом, состоит в том, чего стоят индивидууму приобретаемые бла-

га, а не в том, как высоко индивидуум оценивает полезность блага. Стоимость – это то, чем приходится расплачиваться. Это то, что он отдает, а не то, что он приобретает. Это то, чем приходится жертвовать, а не то, чем приходится довольствоваться. Стоимость – это жертва, на которую идет индивидуум, а не то удовлетворение, которое он ожидает от блага. Потому, очевидно, неправомерна попытка субъективной школы игнорировать объективный аспект рынка.

Стоимость и ценность – это разные стороны реальности, как разные стороны одной монеты. Потому в историческом аспекте они составляли принадлежность к разным школам. Однако, насколько неверным было бы игнорировать одну из сторон, настолько было бы ошибочным противопоставлять две стороны товара друг другу. Хотя они реально противостоят друг другу, к примеру, потребитель желает иметь большую ценность за меньшую стоимость, в то время как производитель желает продать свою ценность за максимально возможную стоимость, в теории такое противостояние ведет к одностороннему восприятию действительности.

Безусловной заслугой австрийской школы явилось то, что она выделила и детально описала понятие “субъективная ценность”. Но уже неоднократно звучал тезис о необходимости единства теорий. Нужна такая формула, которая бы способствовала их объединению. Таковой служит очевидный тезис: полезность блага для индивидуума тождественна количеству труда, которое он жертвует ради приобретения блага.

Хотим подчеркнуть слово “тождественна”. В данном случае мы имеем дело с прямым тождеством противоположностей. Полезность как таковая – это то, насколько индивидуум ценит благо. Но стоимость есть то, чем приходится расплачиваться за приобретаемое благо. Тем самым именно последняя служит шкалой, мерой полезности блага для индивидуума. То, чем готов пожертвовать индивидуум, и есть мера полезности блага для индивидуума.

Чтобы оценить полезность блага, нет необходимости создавать искусственную меру полезности. Достаточно вынести полезность на рынок. Количество денег, или, что то же самое, количество труда, которое можно получить в обмен на данную полезность, и служит мерой ценности или полезности блага.

Стоимость – это та сторона монеты, которой мы расплачиваемся за приобретаемые блага. Это наш труд, благодаря которому монета появляется у нас. Ценность – это другая сторона монеты, посредством которой мы оцениваем блага с точки зрения их необходимости для нас. Но по-

скольку монета одна, то та сторона, которой мы расплачиваемся, становится тождественна той стороне, с помощью которой мы оцениваем блага. Полезность блага для нас тождественна тому количеству труда, которое мы готовы пожертвовать ради приобретения блага. Но суть состоит не только в этом.

Индивидуумы, отдавая часть своего труда в пользу того или иного блага, сообщают производству, какое количество труда может быть израсходовано при производстве блага. Труд, которым мы жертвуем, покупая блага, есть тот же самый труд, который мы затрачиваем при производстве благ. Соответственно, жертвуя свой труд в пользу определенного блага, мы отдаем труд в пользу воспроизводства данного блага.

Так, еще одним ключевым пунктом субъективной школы явилось понятие редкости. Если благо в избытке, то оно теряет свою субъективную ценность. Напротив, когда количество блага недостает на рынке, ценность блага возрастает, утверждает австрийская школа. Исходя из этого, она заключает, что ценность блага зависит от данной субъективной величины.

Как и первое положение австрийской школы, данное положение представляет собою вполне осязаемый факт. Исходя из него была выведена конструкция "пределной полезности". Мы хотим придать идее иную теоретическую направленность, соединив ее исходным постулатом стоимости. Редкость или избыток блага означает большую или меньшую жертву, которую индивидуум готов принести ради обладания благом. Если ценность блага измеряется количеством труда, которую жертвует индивидуум, то мы приходим к закону распределения труда в обществе.

Если некоторое благо в избытке, то, согласно субъективной школе, ценность блага падает. Пропорционально падает количество труда, которое индивидуумы жертвуют ради обладания благом. Соответственно, уменьшается то количество труда, которое идет на создание блага. Если же какого-либо блага недостает в обществе, то ценность блага, напротив, возрастает. Пропорционально возрастает количество труда, которое индивидуумы жертвуют ради обладания благом. Тем самым возрастает и то количество труда, которое может быть задействовано при производстве данного блага.

Образ Робинзона Крузо был, по-видимому, излюбленным персонажем, на котором экономическая наука апробировала свои первоначальные выводы. Попробуем представить свой эскиз рационального поведения. Предположим, у нашего Робинзона есть три ежедневные потребности, которые он считает необходимым удовлетворять на ежедневной основе. Первая - потреб-

ность в рыбе, вторая - потребность в плодах и ягодах и, наконец, третья - потребность в питьевой воде. Соответственно, он должен распределить свой дневной труд таким образом, чтобы эти три составляющие его небогатого рациона питания были всегда в достаточном количестве.

Чтобы упорядочить свой распорядок дня и не забыть свои ежедневные потребности и обязанности, в один из вечеров он решает записать их на клочках бумаги. Он достает первый клочок и пишет: "3 часа в день на ловлю рыбы". Затем достает второй клочок бумаги, на котором пишет: "2 часа в день на собирание плодов и ягод". Наконец, он достает третий листок, и пишет: "2 часа в день на то, чтобы сходить в долину устья реки и набрать пресной, чистой воды".

На следующий день, проснувшись рано утром и перекусив тем, что у него оставалось, он достает первый листок бумаги и читает: "3 часа в день на ловлю рыбы". Являясь законопослушным гражданином своего острова, он идет трудиться. Он отводит первому занятию ровно то количество своего времени, как предписано на бумаге. Спустя положенное время он достает второй листок и читает: "2 часа в день на собирание плодов и ягод". В соответствии с данным предписанием он идет собирать плоды и ягоды. И наконец, в конце рабочего дня он поднимается к вершине устья реки, где набирает пресную воду.

Вечером, уютно расположившись возле костра и сытно поужинав, он обнаруживает, что рыбы у него осталось больше, чем он может употребить в пищу. Поскольку рыба имеет свойство быстро портиться, он решает исправить ситуацию. Он достает первый листок бумаги, зачеркивает написанное на ней и пишет заново: "2 часа в день на ловлю рыбы".

Безусловно, я сильно упрощаю ситуацию. Своим эскизом я хотел представить лишь одну единственную мысль. Регулирование количества труда, направляемого в различные сферы деятельности, - необходимый элемент общественного воспроизводства, как и воспроизводства отдельного индивидуума. Люди не могут тратить произвольное количество труда на свои многообразные потребности. Как труд внутри отдельного хозяйства (домашнего или крестьянского) разделен строго в соответствии с потребностями хозяйства, так и труд внутри общества регулируется в соответствии с потребностями общества. В условиях товарно-денежных отношений такое регулирование осуществляется посредством механизма цен. Поскольку индивидуумы оплачивают продукты производства своим трудом, они тем самым перераспределяют свой труд среди разнообразных отраслей производства.

Субъективная ценность товара является, по сути, тем механизмом, посредством которого распределяется труд в обществе. Если ценность блага высока, то это позволяет капиталу привлечь дополнительное количество труда в данную отрасль производства. И напротив, если ценность блага падает, то, соответственно, это ведет к уменьшению возможностей капитала по привлечению труда к производству блага.

Мы прибегли к эскизному примеру с целью наглядно представить закон стоимости. Закон стоимости состоит не в том, чтобы товары обменивались на рынке согласно некоему гипотетическому эквиваленту, как полагал, к примеру, Карл Маркс. Закон стоимости состоит в том, чтобы распределить труд общества внутри самого общества, чтобы удовлетворять потребностям людей. Об этом, в частности, пишет сам Маркс: "...закон стоимости товаров определяет, какую часть находящегося в его распоряжении рабочего времени общество в состоянии затратить на производство каждого данного вида товара"⁵.

Надо лишь отметить, что данная формулировка закона стоимости не имеет ничего общего с так называемым обменом эквивалентов, к которому Маркс прибегает в начале своего исследования. Закон стоимости гласит: индивидуумы платят за благо то количество труда, которое достаточно для удовлетворения их нужд, которое достаточно для того, чтобы благо воспроизводилось в необходимом количестве и качестве, отвечающем субъективным ценностям покупателей.

Теперь нам следует вернуться к началу нашего изложения и обратить внимание на вторую стратегию мышления, заложенную Адамом Смитом. Как бы мы ни стремились отвлечься, абстрагироваться от процесса производства, все же необходимо признать, что товар, помимо всего, обладает своей внутренней стоимостью. Она есть стоимость производства товара. Как таковая она не зависит от субъективной ценности товара. Она есть именно та стоимость, которую искала классическая школа политэкономии. Она формируется до того, как товар попадает на рынок. Она есть стоимость, детерминируемая исключительно процессом производства товара. Она говорит нам о том, чего стоит товар с точки зрения его производства. Или, что то же самое, чего стоит производство товара.

Классическая школа политэкономии, по сути, искала эту внутреннюю основу стоимости. Поэтому она стремилась редуцировать производственный процесс к некоей единой мере. Сколь бы ни критиковали данное направление за "объективизм", некоторое пренебрежение сферами обмена и потребления, по сути, она решала очень

важную задачу. Без явно выраженной внутренней основы стоимости, диктуемой производством товара, невозможно представить себе сколь-нибудь законченную теорию стоимости.

Возможная ирония судьбы состояла в том, что ответ лежал на поверхности, потому, хотя он представлялся первой очевидностью, к нему сложнее всего было прийти. Чтобы выявить эту внутреннюю основу стоимости товара, мы не нуждаемся в процедуре редукции. Она дана самой экономической практикой. Эта внутренняя стоимость товара, или внутренняя основа стоимости товара, в точности посчитана бухгалтерией и называется себестоимостью товара.

В русском языке слово "себестоимость" говорит само за себя. Она есть стоимость самой себя. Она есть собственная стоимость. В данном случае мы употребляем слово "стоимость" в том классическом понимании, как "внутренняя мера товара, детерминируемая процессом производства". Себестоимость есть именно та стоимость, которую искала классическая политэкономия.

Такой ответ, безусловно, не мог устроить классическую школу, как и, вероятно, экономическую науку в целом. Говоря словами историка науки Марка Блауга, это означало бы "объяснять цены ценами". Выглядит как очевидная тавтология. С этим, пожалуй, следует согласиться, если не принять во внимание одну существенную ремарку. Если мы определяем стоимость денег как количество труда, которым индивидуумы жертвуют ради их обладания, то деньги становятся самостоятельной мерой стоимости вещей.

Возвращаясь к нашему производственному процессу, хотелось бы сказать, что нет никакой необходимости в редукции производственных факторов к некоему всеобщему основанию, отличному от денег. Деньги и есть мера всех составляющих производственного процесса, производящего благо. Производственные факторы, задействованные в производстве товара, уже оценены деньгами.

Если мы сводим деньги к их общественной мере, то, соответственно, отпадает необходимость сведения издержек производства к некоей внутренней мере. Они уже сведены в момент их приобретения, и в последующем учтены бухгалтерией. Редукция издержек производства к единой всем мере осуществляется в момент приобретения издержек, но никак не в самом производственном процессе или по окончании его. В момент их приобретения закладывается будущая себестоимость товара.

Стоимость товара определяется количеством труда, или, что то же самое, количеством денег,

которые индивидум готов пожертвовать ради приобретения товара. Нами рассматривается данное положение Смита как универсальная формула стоимости. Она в равной мере относится как к потребительским товарам, так и к товарам производственного назначения. Товары производственного назначения оцениваются в момент их приобретения. Соответственно, то количество денег, которое за них отдано, образует их стоимость. Из нее складывается последующая себестоимость готового продукта.

Стоимость товара есть, таким образом, величина производная от стоимости денег. Если мы сводим деньги к их общественной мере, то соответственно отпадает необходимость сведения издержек производства к некоей единой мере, отличной от самих денег. Производство, если рассматривать его не как технологический процесс, а как процесс, оказывающий непосредственное влияние на формирование рыночной стоимости товара, то с этой меркантильной точки зрения представляет собой простое расходование денег.

Все, что было использовано при производстве товара, уже учтено в форме денег, оплаченных за приобретение. Нет ничего сверх того, что подсчитано бухгалтерией. Производство товара обошлось ровно в ту величину, которая посчитана бухгалтерией. Соответственно, эта посчитанная себестоимость и есть внутренняя стоимость товара.

Таким образом, у товара есть две стоимости. Первая диктуется производством товара. Это его внутренняя стоимость - тот пассив, которым товар обладает до выхода на рынок. Вторая есть его действительная стоимость, или та стоимость, по которой он продается на рынке. Это его актив - та ценность, которой товар обладает на рынке. Первая в общем случае характеризует количество труда, или, что то же самое, количество денег, затраченных при производстве товара. Вторая, напротив, характеризует то количество

труда, или, что то же самое, количество денег, которое может быть получено при обмене товара. Наличие двух стоимостей у товара - внутренней стоимости и рыночной стоимости - позволяет капиталу извлечь прибавочную стоимость из рынка.

Здесь важно отметить, что прибавочная стоимость, или прибыль, не входит в издержки производства товара. Ее как таковой нет в пассивах бухгалтерии. Она появляется в активах бухгалтерии по результатам продаж за календарный период. Говоря академическим языком, прибавочная стоимость не создается капиталом. Ее источник не следует искать внутри производственного процесса. Прибавочный труд, или, что то же самое, добавленная стоимость, извлекается капиталом из рынка по результатам продаж.

Если капитал не в состоянии извлечь прибыль из продажи своих товаров, то он уходит с рынка. Соответственно, на рынке остаются те капиталы, у которых рыночная стоимость товаров выше их внутренней стоимости. Благодаря этому создавалась иллюзия, будто капитал создает прибавочную стоимость. Раз капитал присутствует на рынке, значит, он приносит прибыль. Порождаемая этим иллюзия стала камнем преткновения экономической науки. Предстояло теоретически "извлечь" прибыль, препарировав "тело" производственного процесса.

¹ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. Москва, 1994. С. 35.

² Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. Москва, 1995. С. 119.

³ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Москва, 1962. С. 38.

⁴ Менгер К. Основания политической экономии. Москва, 2005. С. 132.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Критика политической экономии. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 368.

Поступила в редакцию 03.05.2015 г.